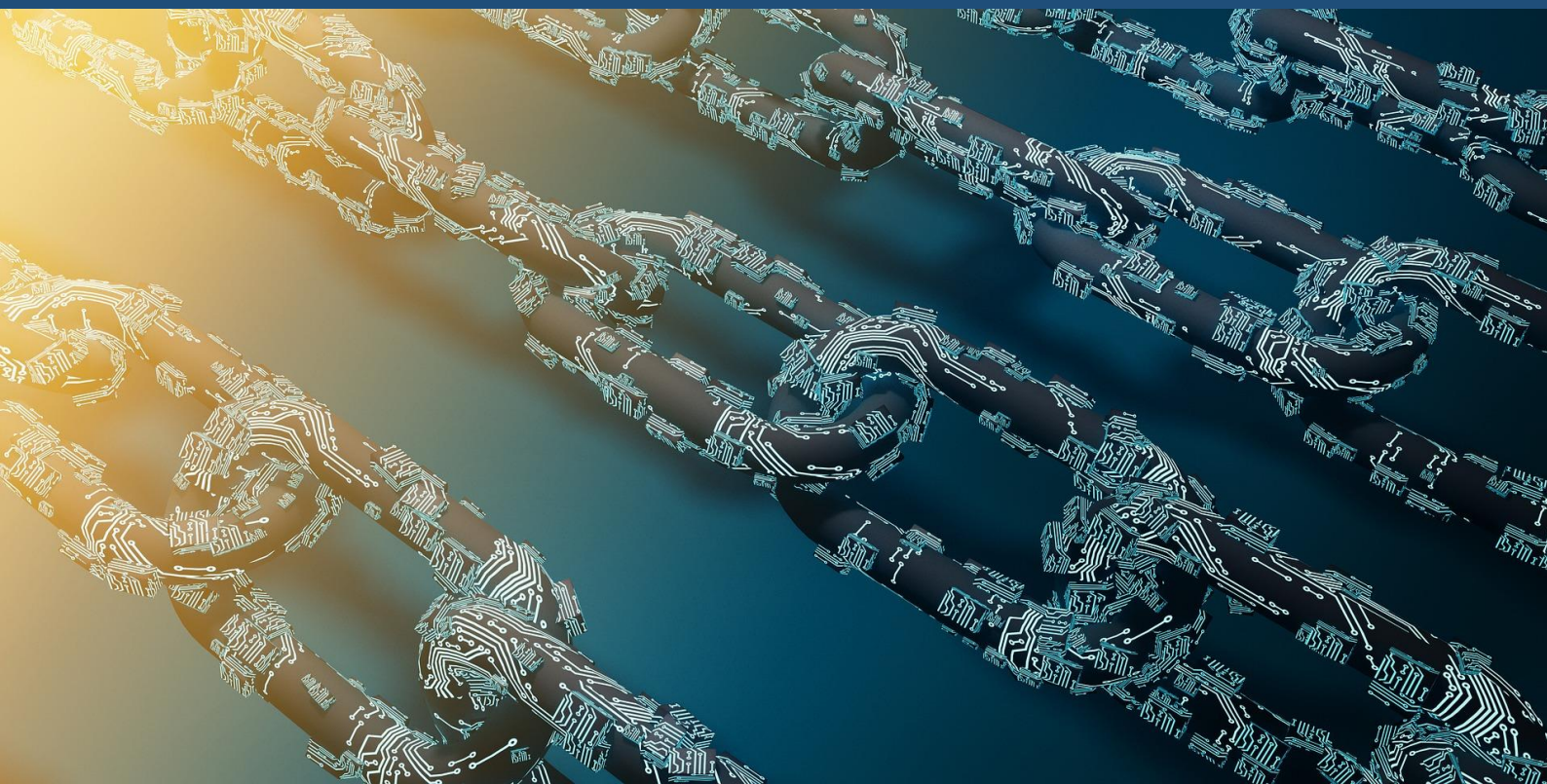

Август, 2019

АССОЦИАЦИЯ
БАНКОВ
РОССИИ

**Доклад
для общественных
консультаций**

**КОНЦЕПЦИЯ ОБОРОТА
ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ
КРИПТОВАЛЮТ**

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	2
ЧАСТЬ I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	3
1. О терминологии доклада	3
2. Резюме доклада	3
3. Краткий обзор судебной практики.....	5
4. Анализ запретительного подхода	6
4.1. Полный запрет на оборот виртуальных активов.	6
4.2. Ограниченный запрет на оборот виртуальных активов.....	8
5. Разрешительный подход – первичная постановка вопроса.....	8
5.1. Основной принцип регулирования.....	8
5.2. Экономический риск.	9
5.3. Юридический риск.	9
6. Онтологическое отношение.....	10
7. Социальное отношение или еще одна причина регулировать, а не запрещать, виртуальные активы	10
Часть II. ПРАВОВОЙ СИНТЕЗ (предложения по институциональному регулированию)	11
8. Процедура номинации	11
9. Государственное управление качеством розыска виртуальных активов	12
10. Обеспечение реального взыскания виртуальных активов	12
11. Правовая природа виртуальных активов	13
11.1. Об австрийской оккупации виртуальных активов.....	13
11.2. находка или клад.	14
11.3. Создание киберактивов как основа оборота.	14
11.4. Констатация, не относящаяся к содержанию доклада.	15
12. Инфраструктура обращения виртуальных активов	15
13. Режим обращения	16
14. Налогообложение виртуальных активов	16
14.1. Налогообложение юридических лиц.	16
14.2. Налогообложение физических лиц.....	17
15. Ответственность за нарушение обращения	17
15.1. Новые составы преступлений.	17
15.2. Квалифицирующие признаки в традиционных составах преступлений.....	18
16. Схема регулирования в целом.....	18
16.1. Физические лица.	18
16.2. Юридические лица.	19
17. В качестве заключения	20

ВВЕДЕНИЕ

На состоявшемся в середине апреля 2019 года заседании рабочей группы по разработке проекта федерального закона «О цифровых финансовых активах» (далее – Закон о ЦФА) был поставлен вопрос о необходимости доработки концепции погружения в хозяйственный оборот виртуальных активов в связи с тем, что предложенный проект, по мнению представителей миссии ФАТФ¹, не урегулировал отношения, связанные с оборотом виртуальных активов². К указанной позиции присоединился ряд государственных ведомств, представители которых, помимо этого, указали на то, что предложенный проект закона о цифровых активах формально не содержит выполнения пункта 1.а) поручения Президента РФ от 21 октября 2017 года № 2132 в части определения в законодательстве некоторых понятий цифровой экономики, включая понятие «криптовалюта».

В связи с этим членам рабочей группы было предложено высказать свое мнение о дальнейших направлениях работы над указанной темой. В частности, обсуждались две основных стратегии. Первая предполагает легализацию обращения виртуальных активов на территории России и создание рынка не только для активов, выпущенных в национальной юрисдикции, но и эмитированных за ее пределами (условно-разрешительный подход). Второе направление основывается на необходимости запрета оборота любых виртуальных активов, за исключением тех, которые выпускаются в российской юрисдикции на основании отечественного закона (условно-запретительный подход).

Настоящий доклад подготовлен в виде Концепции оборота децентрализованных криптовалют и является предложением Ассоциации банков России к общественному обсуждению данной темы. В тексте представлена системная модель организации обращения виртуальных активов, которая охватывает все основные юридические аспекты конструкции. Форма доклада (Концепции) диктует рамочное описание юридических институтов, но, тем не менее, ясно отражающее основную мысль авторов. В технике применяется такое понятие, как «прототип». Прототип — это образец изделия, на котором отрабатываются концептуальные подходы к будущему направлению производства. Прототип необязательно реализуется в серийном производстве, но многие инженерные решения, которые отрабатываются на нем в системной увязке с существующими узлами и деталями, позволяют опробовать новые решения в комплексном виде. Автолюбители хорошо знают как это понятие работает в сфере производства автотехники. Настоящий доклад в полной мере можно охарактеризовать понятием прототип, понимая под этим явлением отработку новых способов правового регулирования в комплексной увязке с уж работающими в правовой системе институтами и нормами права.

В докладе не освещались вопросы технологического характера и экономического содержания правоотношений, за исключением тех случаев, где без необходимых сносок нельзя было обойтись.

---

¹ Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег – межправительственная организация.

² Такая информация была доведена до участников совещания.

ЧАСТЬ I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

1. О терминологии доклада

В 2018 году³ ФАТФ внесла изменения в глоссарий терминов, принятый в 2014 году⁴, дополнив его понятием «виртуальные активы». Данное понятие является, по мысли методологов ФАТФ, базовым для всей сферы оборота цифровых объектов, которые имеют экономическое содержание. Как следует из пояснений и замечаний, понятие «виртуальные активы» включает в себя все цифровые сущности - как токены, так криптовалюты, как централизованные, так и децентрализованные, как конвертируемые, так и неконвертируемые, - т.е. стремится к максимальной универсальности. Такие понятия, ранее употреблявшиеся ФАТФ, как «виртуальная валюта», «децентрализованные виртуальные валюты (криптовалюты)», «децентрализованные конвертируемые валюты», определенные в глоссарии 2014 года, сохранили свою значимость для случаев, когда речь идет именно о них, в общем же случае ФАТФ употребляет понятие «виртуальные активы».

В настоящем документе предлагается, прежде всего, рассматривать модель обращения криптовалюты как децентрализованной конвертируемой валюты, поскольку это наиболее сложная с точки зрения права разновидность виртуальных активов. Мысль здесь заложена простая: если в отечественном правовом порядке будет создан социально приемлемый способ

легализации децентрализованной конвертируемой виртуальной валюты, то на базе построенной модели можно будет гарантированно запустить в оборот любую другую разновидность виртуальных активов. Таким образом, в тексте настоящего доклада под криптовалютой понимается децентрализованная конвертируемая виртуальная валюта. Понятия «виртуальный актив», «криптоактив», «виртуальная валюта» и иные производные от базового понятия будут использоваться как синонимы понятия «криптовалюта», если прямо не будет указано иное.

2. Резюме доклада

При обсуждении будущего децентрализованных криптовалют профессиональное внимание было преимущественно сосредоточено на вопросах их правовой природы, между тем, не менее важной, а может быть и более, является проблема анонимности, поскольку именно она определяет систему социальных отношений, в которой эти объекты обращаются. Именно анонимность делает их маргинальными финансовыми инструментами с точки зрения легального рынка, и она же делает их привлекательными с точки зрения субъектов недобросовестных практик. С одной стороны, анонимность скрывает первичного эмитента этих объектов, что лишает криптовалюту субъекта конечного

³ Заявление ФАТФ по виртуальным активам. Октябрь 2018г.

⁴ Отчет ФАТФ. Виртуальные валюты. Ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ. Июнь 2014.

обязательства, а с другой, делает необъявленным любого её владельца, что, соответственно, в какой-то момент времени разрывает цепочки транзакций, не позволяя отслеживать всю финансовую схему целиком. Эти следствия анонимности создают идеальные условия для использования криптовалют в криминальных схемах. В странах, где допущены к обращению виртуальные активы в такой форме, сегодня вполне обоснованно говорят о наличии угроз национальной безопасности.

Анонимность владения криптоактивами создает идеальные условия для их использования в криминальных схемах

Таким образом, очищение децентрализованной криптовалюты от негативных качеств и преодоление рисков при погружении её в хозяйственный оборот возможно в том случае, если в праве будет создана процедура, с помощью которой возможно осуществлять действия, обратные анонимизации, т.е. действия по деанонимизации. В предлагаемом докладе эта процедура названа «номинация» (лат. *nominatio* «наименование») и конструируется она в целях несения имущественной ответственности владельцами виртуальных активов. Сегодня прообраз данной процедуры уже существует в виде работы специализированной программы, которая широко применяется в практике оперативно-розыскной деятельности, особенно за рубежом.

Предполагается, что по заявке кредиторов специализированные агенты рынка смогут предоставлять услуги по

установлению владельцев соответствующих активов, после чего у кредиторов появится возможность в рамках судебной процедуры устанавливать факт принадлежности соответствующего имущества конкретному лицу (в рамках процесса об установлении факта, имеющего юридическое значение).

В свою очередь, следствием установления данного факта будет являться возможность обращения взыскания на эти активы в рамках регулярных процедур исполнительного производства, банкротства либо налогообложения. Учитывая особенную физическую форму виртуального актива – «цифровой объект», авторы доклада исходят из того, что после вынесения судебного решения владелец активов вынужден будет передать пароли от электронных кошельков. Для обеспечения этого акта в законодательство необходимо ввести меру государственного принуждения к этому действию в виде установления уголовной ответственности за сокрытие соответствующих активов (фактически, за не передачу паролей).

Таким образом, может быть создан общий правовой контур, обеспечивающий погружение в оборот виртуальных активов на условиях, схожих с условиями обращения традиционного имущества. Сделки с виртуальными активами не только получают защиту, но и во многом будет преодолена их высокая рискованность, вытекающая из качества анонимности.

Настоящий доклад представляет собой попытку системного описания правовой модели, построенной на принципе номинации.

3. Краткий обзор судебной практики

В рамках подготовки настоящей Концепции была проанализирована судебная практика с целью выяснения вопросов права, которые мешают дальнейшему развитию отношений, связанных с виртуальными активами. Прежде всего, следует отметить, что несмотря на бурное развитие виртуальных активов, судебная система России знает мало споров, в которых они стали бы предметом рассмотрения (всего было изучено около 50 судебных дел на май 2019г.). Между тем, даже на скудном правовом материале можно выделить главную проблему, с которой сталкиваются суды.

Она состоит в непроясненности вопроса о правовой природе виртуальных активов, при этом речь идет преимущественно о криптовалютах. Судами были высказаны следующие правовые позиции (обобщенно).

3.1. Биткоин и подобные ему виртуальные активы являются денежными суррогатами, запрещенными к обороту ст. 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Наиболее показательными здесь являются решения судов при рассмотрении дел, связанных с блокировкой сайтов. Помимо этого, очень наглядными в этом отношении оказались Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Тюменского областного суда от 24 января 2018 года по делу № 33-245/2018, а также Решение Анапского городского суда Краснодарского края от 25 февраля 2016 года по делу № 2-869/2016.2-869/2016, в которых была очень

подробно развернута соответствующая аргументация.

3.2. Криптовалюты не являются денежными суррогатами, а представляют собой оборотоспособное имущество, которое может обмениваться на другое имущество, включая другие криптовалюты. Наиболее показательно здесь Решение Ленинского районного суда г. Нижнего Тагила Свердловской области от 1 марта 2018 года по делу № 2-508/2018, в котором судом подробно проанализирована экономическая и правовая сущность данных активов.

3.3. Виртуальная валюта не является ни денежными средствами, ни вещами в том смысле, какой этим объектам придает статья 128 ГК РФ. Такого рода аргументация довольно полно приведена в Апелляционном определении Судебной коллегии по гражданским делам Тюменского областного суда от 24 января 2018 года по делу № 33-245/2018. Этот вывод суда означает, что криптовалюта не может быть предметом гражданско-правовой сделки, т.е. не является объектом гражданского права.

Таким образом, суды не имеют ясных правовых ориентиров для эффективного осуществления функции правосудия. Отдельно следует указать, что решение, которое в настоящее время предлагается проектом Закона о ЦФА, не снимет эту проблему, поскольку конструирует правовую модель только по отношению к тем цифровым объектам, которые создаются в рамках информационных систем российской юрисдикции, в то время как совокупный судебный запрос направлен на необходимость определения правовой природы виртуальных

активов, созданных в иных правовых системах и вне юрисдикций.

Для судебной практики требуется полная ясность по вопросу о правовой природе криптовалюты

В точно такой же постановке вопроса эта проблема была артикулирована представителями ряда государственных ведомств в ходе заседания рабочей группы по разработке проекта Закона о ЦФА. Таким образом, регулирование виртуальных активов должно не только решить вопрос с анонимностью, но и четко ответить на вопрос об их правовой природе, поскольку судебная практика не может довольствоваться половинчатыми и неопределенными правовыми конструкциями.

4. Анализ запретительного подхода

Чтобы представить себе последствия выбора того или иного подхода (запретительного или разрешительного) следует рассмотреть два крайних варианта, а именно, предельные формы запрета обращения криптовалюты и наиболее либеральные формы дозволения ее к обращению. Базовые юридические конструкции не только максимально наглядно продемонстрируют последствия их применения, но и позволят довольно точно представить себе все промежуточные варианты регулирования.

4.1. Полный запрет на оборот виртуальных активов. В юридическом смысле полный запрет на оборот виртуальных активов означает

прямое исключение их из перечня оборотоспособного имущества (включая вариант признания криптовалют денежными суррогатами). Такая запретительная норма (или группа норм) должна быть поддержана установлением соответствующей уголовной ответственности за ее (их) нарушение, очевидно, прежде всего, ответственность должна быть установлена за организацию оборота криптоактивов, а также за их обмен на фиатную валюту. Но этого мало, в дополнение к запрету на хождение виртуальных активов потребуется еще и запрет на владение ими, так как для этих объектов «хождение» во многом сливается с «владением». Иными словами, караться должно само наличие в руках гражданина виртуального актива, следовательно, речь идет фактически о запрете доступа к электронному кошельку (э-кошелек).

Между тем, если не обеспечить возможность со стороны государства построения эффективной системы обнаружения и вскрытия э-кошельков, то данный запрет, в силу особенностей технологии распределенных реестров, окажется пустой декларацией, которая на уровне правоприменения не может быть поддержана мерами государственного принуждения. Своим ближайшим следствием такое решение будет иметь дискредитацию правовой политики государства.

Эффективность такого рода запрета может быть обеспечена исключительно посредством полного контроля государства над интернет-пространством, как это сегодня имеет место в Китае, но современная Россия далека от такого положения вещей. Более того, официальные заявления пока ориентируют общественность на то,

что ограничение использования Интернета не входит в задачи государственной политики на современном этапе. В связи с этим, можно достаточно уверенно констатировать, что в настоящий момент не существует способов для обеспечения действенности такого рода запретов, хотя и нельзя исключать, что они не смогут появиться в будущем (впрочем, технологии также сделают свой шаг).

Помимо тотального интернет-контроля, у полного запрета на оборот виртуальных активов есть и еще одно негативное следствие, которое на первый взгляд кажется малозначимым, но на самом деле имеет принципиальное значение. В нашей судебной системе уже имели место споры о квалификации так называемых «игровых токенов» (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 апреля 2018 года № № 09АП-14848/18), т.е. технических знаков, которые используются в современных онлайн играх в качестве внутреннего средства обращения с целью реализации добытых в игре преимуществ. У части таких цифровых объектов есть специфическое качество: они могут обращаться и за пределами игровой платформы, в рамках которой они создаются и приобретаются. И этот выход за пределы собственной электронной платформы может оканчиваться обменом на фиатные валюты. Такого рода технологии стремительно развиваются вместе с онлайн-играми. Запрет на оборот виртуальных активов неизбежно будет распространяться и на игровые токены, что чревато переходом сугубо технологической проблемы – запрет на оборот виртуальных активов, - в проблему социальную – невозможность утилизировать

социальную энергию молодежи (да и не только), а, возможно, и политическую – лишение части населения прав и свобод (в виде права на отдых). Следует также сказать, что для поддержания и этого запрета потребуются полный контроль над интернет-пространством со стороны государства.

Недостатки запретительного подхода значительно перевешивают его достоинства

Надо указать, что единственным ощутимым приобретением от введения полного запрета на оборот криптоактивов является внесение определенности в работу судебной системы, которая сможет ориентироваться на набор запретительных норм при разрешении судебных споров, связанных с виртуальными активами. Вместе с тем, недостатки такого решения, как представляется, значительно перевешивают его достоинства:

1) установление запретов, которые невозможно исполнить и, в связи с этим, принижение авторитета государственной власти (такие запреты будут расцениваться как глупые);

2) ограничение онлайн-игр (вернее – попытка ограничения) и возможная постановка вопроса в политической плоскости о вмешательстве государства в частную жизнь гражданина в форме ограничения права на отдых;

3) обусловленность существования системы запретов необходимостью установления полного контроля за Интернетом (что также чревато переводом вопроса в политическую сферу);

4) возможность обхода такого запрета лицами, которые имеют

возможность выехать за пределы территории Российской Федерации в страны, где оборот криптовалют разрешен, и приобретение данными лицами криптовалют в указанных странах (что также ведет к принижению авторитета государственной власти).

4.2. Ограниченный запрет на оборот виртуальных активов.

Помимо модели полного запрета оборота виртуальных активов, может быть использована конструкция частичного запрета, когда эти объекты не допускаются к обороту на территории Российской Федерации, но владение ими в частном порядке не будет преследоваться по закону. В сущности, именно так сегодня выглядит положение дел.

У такой модели также есть свои недостатки. Связаны они прежде всего с тем, что для российской правовой системы не будет внесено определенности, поскольку для того, чтобы это произошло, необходимо определить в законе этот объект как оборотоспособный и признать его в качестве такового, что невозможно в рамках запретительной модели. Ограниченно-запретительная модель цементирует ситуацию, которая имеет место сегодня: граждане рассматривают виртуальные активы как объект имущественного оборота, а государство его «в упор не видит», что в целом негативно отражается на престиже государства, потому что наиболее энергичные граждане уходят в другие правовые порядки с целью удовлетворения своих экономических интересов, определяя собственное государство как неспособное организовать сложную рыночную технологию. При этом все риски, присущие виртуальным активам как таковым в

данной модели, сохраняются, включая участие наших граждан в нелегальных операциях с их использованием.

Таким образом, подводя итог рассмотрению запретительной модели, следует указать, что она либо невозможна в сегодняшних условиях, поскольку требует перехода к следующей системе запретов, связанной с серьезными ограничениями прав граждан на свободное обращение информации (модель запрета Интернета), либо не имеет смысла, поскольку позволяет гражданам эксплуатировать все достоинства и недостатки данной технологии, реализовывая их в других юрисдикциях.

5. Разрешительный подход – первичная постановка вопроса

5.1. Основной принцип регулирования.

Главными принципами регулирования виртуальных активов являются требования идентификации лиц, которые осуществляют операции с ними и получают доход, а также лицензирования (регистрации) провайдеров услуг по обращению криптовалют. Задействованные здесь механизмы нормативного регулирования являются вполне традиционными для любых правовых систем: идентификация клиента при осуществлении им операций с виртуальными активами и лицензирование юридических лиц в целях ПОД/ФТ.

Таким образом, если следовать этому пути, то процедура легализации виртуальных активов должна базироваться на следующих принципах:

1. Допуск на рынки Российской Федерации виртуальных активов, созданных в другой юрисдикции или вне юрисдикции.

2. Использование инфраструктуры финансовых рынков, которая должна быть создана после принятия Закона о ЦФА, для обращения виртуальных активов.

3. Идентификация лиц, осуществляющих операции с ними.

5.2. Экономический риск. Содержательный риск состоит в том, что на российский рынок может хлынуть спекулятивная масса виртуальных активов. В современных условиях ни агенты рынка, ни финансовые институты не имеют развитого инструментария для их селекции и отбора в целях осуществления инвестиций и, следовательно, основная тяжесть по определению их качества ляжет на регулятора.

5.3. Юридический риск. Второй риск состоит в анонимности создателей виртуальных активов и их владельцев. Это качество выводит их за грань правопорядка и лишает возможности публичного контроля над сделками с ними и, как следствие, – правосудия для субъектов рынка. Вернее, публичная власть лишается возможности принуждать субъекта права к добросовестному поведению, и выбор правомерного или неправомерного поведения полностью остается на усмотрение субъекта. Понятно, что тем самым поле для недобросовестных и даже преступных отношений значительно расширяется. Связано это с тем, что в связи с наличием технологии виртуальных активов социально значимое время, которое необходимо для подготовки и осуществления противоправных или прямо преступных действий, стремится к нулю.

Например, в довиртуальную эпоху, чтобы приобрести запрещенные к обороту оружие или взрывчатые вещества необходимо было сначала найти соответствующего продавца, договориться с ним о сделке, продумав процедуру передачи денег и товара, скрытно осуществить процесс взаимной передачи. Сегодня это выглядит просто, в «Теневой сети⁵» осуществляется сделка и перевод криптовалюты, а купленный товар доставляется непосредственно в руки потребителя. Время в первом случае могло измеряться неделями и месяцами, а сейчас - часами. Легкость и доступность нарушения запретов - главная юридическая характеристика анонимности. Это можно сравнить с тем, как если бы в какой-то момент времени было изобретено устройство, способное проводить человека сквозь стены, то в этом случае объем преступлений вырос бы взрывообразно.

Легкость и доступность нарушения запретов - главная юридическая характеристика анонимности

Итак:

1) анонимность снимает различие между теневым и нормальным рынком, поскольку позволяет совершить сделку в «тени», а ее последствия реализовать в границах правопорядка;

2) анонимность ставит под угрозу важнейшую функцию правопорядка – обращение взыскания на имущество должника, поскольку позволяет скрывать его от кредиторов;

3) анонимность делает неэффективными большинство методик расследования экономических преступлений и преступлений против собственности,

⁵ DarkNet

поскольку разрывает связь между лицами.

6. Онтологическое отношение

Право, как особое явление культуры, перерабатывает небытие в бытие, зло - в добро, несправедливость - в справедливость, криминал - в хозяйство, в итоге создавая порядок из хаоса. Сегодня технологии анонимного обращения активов достигли столь серьезного прогресса, что несут в себе угрозу правопорядку в целом. И ситуация описывается скорее образом распада космоса в хаос, нежели переработкой хаоса в порядок.

Какой правовой инструмент может быть противопоставлен этому процессу? Понятно, что этим оружием является процедура выявления лица, которому принадлежат соответствующие виртуальные активы (процедура номинации).

Номинация представляет собой юридическую процедуру, противостоящую разложению общества

Номинация в данном случае выступает не как сугубо юридическая процедура, а как онтологическое отношение, необходимое для противостояния разложению общества. Она оказывается сердцевиной отношений, связанных с обращением виртуальных активов и в социальном, и в правовом смысле.

7. Социальное отношение или еще одна причина регулировать, а не запрещать, виртуальные активы

В части экспертного сообщества бытует мнение, что виртуальные активы явление временное и проходящее. Между тем, авторы доклада придерживаются мнения, что виртуальные активы пришли в современную экономику как представители нового технологического уклада, а следовательно,

Новый технологический уклад будет включать в себя «цифру» как один из основных факторов хозяйственного развития

всерьез и надолго. Следующая технологическая волна будет включать в себя «цифру» как один из основных факторов производства или, в широком смысле, хозяйственного развития.

Поэтому регулирование виртуальных активов в социальном смысле представляет собой способ освоения технологии будущего, и вопрос о том, надо или нет разрешать оборот виртуальных активов, является вопросом неправильно поставленным. Корректной может быть постановка вопроса о правовом освоении этого тонкого социального инструмента, как перспективной технологии следующего технологического уклада.

Часть II. ПРАВОВОЙ СИНТЕЗ (предложения по институциональному регулированию)

8. Процедура номинации

Итак, методологическим ядром проекта регулирования виртуальных активов является процедура номинации. В настоящее время правоохранительные органы в целях оперативно-розыскной деятельности используют специализированные программы, позволяющие устанавливать принадлежность электронных кошельков определенным лицам. Процедура эта технически сложная, дорогостоящая, и не охватывающая все виды децентрализованных криптоактивов, а главное, в силу неразвитости этого общественного отношения, имеющая крайне ограниченный характер. Введение в регулярную юридическую практику процедуры номинации владельцев электронных кошельков позволит быстро развить все технические аспекты этой процедуры до состояния устойчиво работающего сервиса.

Установление владельцев виртуальных активов (реально – электронных кошельков) посредством использования специализированного программного комплекса представляет собой только первый шаг в процедуре номинации. Далее, лицо, заинтересованное в реализации процедуры, должно обратиться в суд, где в рамках традиционного судебного процесса об установлении факта, имеющего юридическое значение, эти данные должны быть подтверждены решением суда. Здесь следует иметь в виду, что только судебное решение

дает возможность применить последствия признания факта принадлежности соответствующего имущества определенному лицу. Кроме того, судебный процесс дает возможность соблюсти гарантии прав и того лица, в отношении которого осуществляется процедура номинации.

Традиционный процесс о признании факта, имеющего юридическое значение, является классической юридической формой, но в случае с процедурой номинации мы имеем дело с неклассическим объектом права (виртуальным активом), которым легко распорядиться в любой момент времени. Следовательно, при конструировании нормативного регулирования судебной процедуры номинации необходимо предусмотреть ее процессуальное упрощение.

Процедура номинации (nominatio) состоит из двух частей, поиска актива посредством специального программного комплекса и признание в судебном порядке лица владельцем этого имущества.

Юридическим основанием такого упрощения может быть мнение о том, что в центре процесса всегда будет рассмотрение вопроса о корректности данных, предоставляемых соответствующей специализированной программой. То есть процессы будут однотипны и в высокой степени стандартизованы, что позволяет поставить вопрос о сокращении процессуальных сроков и о вступлении

решения в законную силу после его вынесения судом первой инстанции. Кроме того, следует поставить вопрос о рассмотрении этой категории дел исключительно в арбитражных судах, учитывая высокий уровень их кадрового состава.

9. Государственное управление качеством розыска виртуальных активов

Поскольку качество и корректность работы специализированной программы являются основой процедуры номинации, постольку общество должно быть уверено в том, что она обеспечивает необходимый результат, т. е. максимально точно определяет владельца электронного кошелька. Для обеспечения этого требования необходимо наделить одно из государственных ведомств рядом полномочий, посредством которых оно будет добиваться нужного результата. В частности, такое ведомство должно иметь право стандартизировать специализированные программы и устанавливать специальные требования для юридических лиц, которые будут предлагать рынку услуги по их использованию (регулировать этот рынок). Представляется, что основными заказчиками услуг таких фирм будут неудовлетворенные кредиторы. Налоговики и правоохранители должны обладать правом использовать такого рода программу в рамках специального режима, иными словами, у соответствующих государственных органов должны быть подразделения, имеющие сертификацию от уполномоченного государственного органа. (Само уполномоченное ведомство в данном случае не

определяется, поскольку это не входит в предмет настоящей Концепции).

Очевидно, что рынок создания и обращения специализированных программ не должен быть огосударственлен, но его субъекты должны быть обязаны проходить специализированный отбор, поскольку эта деятельность напрямую связана с обеспечением функций правосудия и безопасности.

10. Обеспечение реального взыскания виртуальных активов

Вынесение судебного решения о факте принадлежности определенного электронного кошелька конкретному лицу не является реальным взысканием имущества должника. Для того, чтобы такие действия были реализованы необходима дополнительная процедура по фактическому изъятию виртуальных активов у должника. Ближайшим аналогом такой процедуры в действующем законодательстве являются действия судебного пристава-исполнителя по описи и изъятию имущества должника.

В технологическом смысле, изъятием криптоактивов из владения одного лица и передачей во владение другого является передача пароля от электронного кошелька. Если должник готов добровольно передать пароли от своего кошелька, то в этом случае проблем с исполнением судебного решения не возникнет, а если нет, то сложится ситуация фактической невозможности изъятия виртуальных активов из его владения.

Чтобы избежать возникновения подобных ситуаций следует ввести ответственность за непередачу паролей

при установлении факта принадлежности электронного кошелька определенному лицу. Конструкция нормы должна быть создана, во многом, по аналогии со ст. 195 УК РФ (неправомерные действия при банкротстве), которая, помимо прочего, предусматривает ответственность за сокрытие имущества. Диспозиция новой нормы должна охватывать деяния по сокрытию имущества: 1) совершаемые в процедуре банкротства; 2) совершаемые в ходе процедур исполнительного производства; 3) совершаемые в целях избежания налогообложения.

Следует ввести ответственность за непередачу паролей при установлении факта принадлежности электронного кошелька определенному лицу

Вопрос о возможности не конструировать новый состав преступления, а дополнить действующие статьи УК РФ указанием на деяния по сокрытию криптоактивов, также, как и об установлении объема ответственности за эти действия, следует отнести на рассмотрение профессионального сообщества. Не предreshая исход такого рода дискуссии, в рамках концептуальной постановки проблемы авторы доклада исходят из того, что следует конструировать отдельный состав преступления, поскольку отношение предполагает некоторые специфические особенности: наличие имущества в виде криптоактива; наличие судебного решения об установлении факта принадлежности имущества; наличие судебного решения об обращении взыскания на имущество.

Введение уголовной ответственности за сокрытие криптоактивов закончит построение юридической процедуры «номинации».

11. Правовая природа виртуальных активов

11.1. Об австрийской оккупации виртуальных активов. Обсуждая с профессионалами сообществом вопросы регулирования «цифры», часто можно услышать снисходительное отношение к австрийскому опыту регулирования обращения виртуальных валют, который выражен через институт оккупации. Оккупация (лат. occupatio) означает прямой и непосредственный захват вещи лицом. Это древнейший институт римского права, оформляющий первый известный истории способ приобретения собственности. В австрийской конструкции предполагается, что лицо, которое приобретает в результате майнинга виртуальные активы, их оккупирует, т.е. захватывает, становясь первым легальным их собственником. Такой подход имеет вполне рациональный правовой смысл, поскольку оккупация предполагает, что воля лица, противостоящая захватчику, не учитывается при переходе права собственности (пока будем вести речь о собственности). Но и при выпуске в обращение криптовалюты воля лица, противостоящая приобретателю валюты, не учитывается, поскольку юридически этого лица нет. Приобретатель криптовалюты ее захватывает как бы «ни у кого». То есть речь идет о том, что сделки в данной ситуации не существуют и захватчик собственности, как и владелец виртуального актива, являются первыми их обладателями в юридическом смысле. Это качество и роднит классическую оккупацию с приобретением криптоактивов

посредством анонимной децентрализованной системы.

*Оккупация обосновывала право собственности захватчика и распространялась на все бесхозяйные вещи согласно принципу, выраженному в законах 12 таблиц - *res nullis cedit primo occupanti* - бесхозяйная вещь следует за первым захватившим*

Поэтому следует указать, что подход австрийской доктрины к определению правовой природы виртуальных активов юридически вполне оправдан и рационален.

11.2. Находка или клад. Это же отношение можно выразить посредством правового института находки, в римской праве - клад (*thesaurus*). Применяя юридическую фикцию, можно было бы утверждать, что первый обладатель криптоактивов их «нашел», поскольку получение их от анонимной системы можно условно считать находкой.

Под кладом понималась всякая ценность, которая была где-нибудь сокрыта так давно, что после открытия уже нельзя найти ее собственника

В этом случае правовые последствия для владельца были бы сродни последствиям от захвата вещи, появился бы первый легальный ее владелец (понятие «вещь» применяется здесь в условном смысле).

11.3. Создание киберактивов как основа оборота. Технологической особенностью «добывания» кибервалюты является тот факт, что лицо ее получившее первым затрачивает некоторые усилия на создание этого объекта и при этом предоставляет системе, которая ее генерирует, определенные мощности, прежде всего, вычислительные⁶. Именно это обстоятельство и не учитывается в австрийском подходе. Приобретатель виртуального актива не просто его захватывает, как готовый объект, поскольку самого актива до соответствующей деятельности приобретателя не существует. Он возникает именно в ходе его активности (майнинга), т.е. приобретатель «создает» виртуальный актив посредством ресурсов децентрализованной системы. Поэтому вполне юридически корректно считать, что децентрализованная кибервалюта **создается** в процессе взаимодействия между ее приобретателем и программным комплексом самой децентрализованной системы.

Такой подход предопределяет оборот криптовалюты как некоего имущества, способного обмениваться на другое имущество, например, фиатные деньги, товары или цифровые права, в зависимости от правил электронной системы, которая готова принимать их в этом качестве. Оставив за границами изложения вопрос о том, является ли криптовалюта вещью в классическом смысле, для погружения ее в оборот достаточно остановиться на этой модели, признав ее

⁶ В некоторых документах ФАТФ говорится, что майнер «защищает» сеть, т.е. предоставляет определенные программно-аппаратные

ресурсы. Отчет ФАТФ. Виртуальные валюты. Ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ. Июнь 2014. С.9.

изготовлением нового объекта (в римском праве - *nova species*).

По праву Юстиниана создатель (спецификатор) становился всегда собственником новой вещи, если он к чужому материалу прибавил частично свой собственный

Следует указать, что некоторые правопорядки именно в таком качестве рассматривают кибервалюту - как некий оборотоспособный актив, который обращается в режиме бартерных сделок, - например, Япония, Канада, Австралия. Представляется, что на сегодняшний момент это самый простой и логически оправданный подход (!), тем более, что он основан и непосредственно на технологии, и адекватно описывается классическими институтами права.

11.4. Констатация, не относящаяся к содержанию доклада.

Здесь уместно высказать некоторый вывод, который прямо не относится к содержанию настоящего доклада.

Криптовалюта – аналог классической вещи, а токен – символ существования права

Криптовалюты и токены, являясь разновидностями виртуальных активов, имея одинаковую онтологическую природу, собственно – цифровую, имеют различную правовую природу. Криптовалюта — это объект аналогичный классической вещи, только существующий в цифровой форме, он представляет собой ценность, т.е. цифровое выражение стоимости сам по себе. Токен же является цифровым знаком существования права (требования), т.е. он только символ стоимости, а само

обязательство эмитента в большинстве технологических решений вербально существует отдельно от него.

12. Инфраструктура обращения виртуальных активов

Проектом федерального закона «О цифровых финансовых активах», принятом в первом чтении, заложена основа для оборота виртуальных активов в виде введения в законодательство понятия «оператор обмена цифровых финансовых активов». После принятия и вступления в силу этого федерального закона такой институт может быть быстро создан и легализован в качестве основы для оборота не только ЦФА, но и виртуальных активов, созданных в иностранных юрисдикциях и вне юрисдикций. Основная интеллектуальная работа по теоретическому оформлению этого института уже была проделана. При необходимости инфраструктура обращения виртуальных активов может быть дополнена еще какими-то институтами, без которых невозможно качественное построение рынка, но такая необходимость или ее отсутствие проявится только в будущем.

Соответственно, все требования по идентификации лиц, которые уже заложены в проект Закона о ЦФА, должны автоматически быть распространены на лиц, которые используют эту инфраструктуру для сделок с виртуальными активами. Кроме того, оператору по обмену должны быть предъявлены все традиционные требования к организации мер ПОД/ФТ. Поскольку правовая система будет дополнена процедурой номинации, этих мер будет вполне достаточно,

чтобы сделать рынок виртуальных активов цивилизованным и прозрачным.

Очевидно, что в данном случае институциональная опора должна будет сделана на банки, поскольку именно эти финансовые институты обладают наибольшим опытом в исполнении требований ПОД/ФТ и наиболее ответственны в социальном смысле.

13. Режим обращения

Любое лицо, как резидент, так и нерезидент, входящее на отечественный организованный рынок виртуальных активов, должно иметь возможность совершать следующие сделки: обмен иностранных токенов и криптовалют на товары, национальную валюту, иностранную валюту, токены и операционные знаки, выпущенные в национальной юрисдикции, посредством российского оператора по обмену.

Ограничения могут быть установлены по объему сделок, совершаемых с определенными видами активов, исходя из антимонопольных соображений, требований экономической безопасности, в целях защиты прав потребителей, для соблюдения режима валютного регулирования.

Свободная система обращения криптоактивов может вводиться поэтапно, например, сначала может быть создан контур обращения, в котором иностранный инвестор сможет обменивать иностранную криптовалюту на токены, выпущенные в России. Лицо, получившее в результате сделки иностранную криптовалюту (резидент), должно иметь возможность обменивать ее на отечественную валюту. Такая простая схема обращения позволит отточить технологии, юридические модели и формы налогообложения, которые позже могут быть

распространены на весь круг правоотношений, указанный выше.

Право определения видов виртуальных активов, допущенных к обращению в рамках того или иного правового режима, должно быть предоставлено регулятору финансовых рынков и обусловлено необходимостью снижать спекулятивный накал при осуществлении торговли соответствующими активами.

14. Налогообложение виртуальных активов

Следует рассмотреть два контура налогообложения - для юридических лиц и для физических лиц - поскольку они будут различаться.

14.1. Налогообложение юридических лиц. В случае если за факт принимается правовая природа криптовалюты как объекта, обращающегося посредством обмена (бартера), то выстраивать систему ее налогообложения имеет смысл исходя из этого признака. В отечественном Налоговом кодексе такого рода операции названы товарообменные (ст. 154 НК РФ). Таким образом, сделки по приобретению товаров и услуг за криптовалюту следует облагать налогом как товарообменные операции.

Сделки по приобретению и реализации криптовалюты за рубли следует облагать налогом на прибыль в обычном режиме сделок с товаром. При этом, если следовать нормам валютного законодательства, а также предложенной юридической модели (криптовалюта не валюта, не денежный суррогат и не требование, а товар), сделки на российском рынке «криптовалюта - иностранная валюта» должны быть запрещены.

14.2. Налогообложение физических лиц. Модель налогообложения физических лиц при совершении ими сделок на организованном российском рынке валютных активов не вызывает сложностей, поскольку допуск на этот рынок физических лиц должен осуществляться по аналогии с допуском инвесторов на рынок ценных бумаг, и точно таким же традиционным образом должно осуществляться налогообложение доходов, полученных от соответствующих операций. Сложнее вопрос обстоит с покупкой физическими лицами активов в Интернете у продавцов и на электронных площадках, зарегистрированных вне юрисдикции России.

Прежде всего, чтобы обеспечить легальность таких операций следует внести в Федеральный закон «О валютном регулировании и контроле» норму, которая позволяла бы физическим лицам оплачивать виртуальные активы со своих банковских счетов, в том числе, и за счет иностранной валюты, в том числе и с банковских счетов, открытых в банках за пределами Российской Федерации при условии соблюдения валютного законодательства России (пределы и объемы таких операций для физлиц должен определить регулятор).

В налоговом законодательстве должны быть установлены правила, в соответствии с которыми физические лица обязаны будут декларировать покупку своих виртуальных активов. Уплата налогов должна осуществляться после продажи виртуального актива в соответствии с общими правилами, действующими аналогично для валютного рынка и рынка ценных бумаг. Контроль за декларированием осуществляет налоговая служба в рамках своих обычных практик. В

случае обнаружения незадекларированных активов в рамках применения процедуры номинации, нарушитель должен быть оштрафован, а также осуществлено взыскание недоимки, но налоговой базой в этом случае должен быть не доход, составляющий разницу между ценой покупки и продажи актива, а полная стоимость сделки по реализации указанного актива.

Такой режим налогообложения виртуальных активов позволит в максимальной степени задействовать все уже сложившиеся процедуры и механизмы работы налоговой службы и не слишком давить запретами на физических лиц.

15. Ответственность за нарушение обращения

Масштабная программа легализации рынка виртуальных активов предполагает серьезную реконструкцию уголовно-правовой сферы, так как именно ей должна быть отведена главная охранительная функция по преодолению социальных рисков. Уголовно-правовое регулирование распадается на две большие части: 1) введение новых составов преступлений в Уголовный кодекс РФ (с оговорками, указанными в п. 10 настоящей Концепции); 2) дополнение существующих составов преступлений новыми квалифицирующими признаками.

15.1. Новые составы преступлений. Первая новелла, необходимая для введения в состав Кодекса была уже подробно описана и состоит она в установлении уголовной ответственности за сокрытие криптоактивов при осуществлении

процедур обращения взыскания на имущество должника в рамках исполнительного производства, банкротства или в целях избежания налогообложения.

Второй, полностью новый состав - ответственность за организацию оборота виртуальных активов, должен предполагать, что ответственности подвергаются лица, которые вопреки требованию закона не получили разрешения регулятора на организацию деятельности оператора по обмену (не были включены в соответствующий список), но при этом осуществляют её.

15.2. Квалифицирующие признаки в традиционных составах преступлений. Данные новеллы исходят из того, что во многих случаях с использованием виртуальных активов можно совершить преступление, сокрыть следы преступления или придать правомерный вид преступному деянию более легко, нежели посредством традиционных средств оплаты, т.е. применение в незаконной схеме криптоактивов увеличивает общественную опасность деяния. Таким образом, необходимо установить соответствующие квалифицирующие признаки в следующих составах: 1) легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (174 УК РФ); 2) незаконная банковская деятельность (172 УК РФ); 3) незаконное предпринимательство (171 УК РФ); 4) коммерческий подкуп (204 УК РФ); 5) получение взятки/ дача взятки (290/291 УК РФ); 6) мошенничество (159 УК РФ); 7) вымогательство (163 УК РФ); 8) кража (158 УК РФ); 9) незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка

наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконное приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (228 УК РФ).

Иными словами, наряду с легализацией оборота виртуальных активов и погружением в хозяйственную деятельность их предпринимательских качеств, уголовно-правовым барьером следует отсечь от оборота те качества криптоактивов, которые могут способствовать облегчению совершения преступлений.

16. Схема регулирования в целом

Чтобы в целом представить себе предлагаемую модель регулирования ее надо рассмотреть по сегментам, связанным с категориями лиц, которые осуществляют сделки с ними.

16.1. Физические лица. Физическим лицам должен быть разрешен весь объем сделок, указанный в пункте 15, в том случае, если они осуществляют их для личного пользования и если в их действиях не содержится признаков коммерческой деятельности. Налогообложение этих сделок должно осуществляться: 1) при осуществлении сделок на российском организованном рынке в виде подоходного налога; 2) при осуществлении сделок вне юрисдикции России или на внебиржевом рынке - в режиме декларирования доходов от этого вида деятельности.

Если физические лица осуществляют деятельность по обмену виртуальных активов, и она имеет

признаки предпринимательской, то соответственно они должны отвечать по соответствующей статье УК РФ. Факт наличия в действиях лица признаков предпринимательской деятельности устанавливается посредством процедуры номинации в рамках соответствующих юридических процессов. (Ситуация ничем не отличается от обычного выявления скрытых предпринимателей). Фактически при работе с виртуальными активами на физических лиц налагается только одно ограничение – не заниматься предпринимательской деятельностью, в качестве предмета используя виртуальные активы.

Любые действия физических лиц, имеющие признаки преступлений, указанных в пункте 15 настоящего доклада, также в общем порядке с применением процедуры номинации фиксируются и наступает предусмотренная соответствующей статьей УК РФ ответственность (соответственно, после дополнения статей квалифицирующими признаками).

В случае возбуждения в отношении физического лица процедуры исполнительного производства либо банкротства, виртуальные активы должны поступать в состав имущества, на которое обращается взыскание по его долгам. В добровольном порядке это имущество может быть передано посредством передачи паролей от электронных кошельков, что предполагает наличие разработанной юридической процедуры, которая, в свою очередь, может быть легализована соответствующим ведомством только после признания виртуальных активов имуществом в законодательном порядке.

Если же лицо не передает виртуальные активы в состав имущества,

на которое обращено взыскание по его долгам, то в этом случае взыскатель (судебный пристав исполнитель, арбитражный управляющий), вправе начать процедуру номинации, установив наличие виртуальных активов у должника, с последующим либо получением (паролей), либо возбуждением уголовного дела за их сокрытие.

Обмен киберактивов на отечественную валюту должен быть доступен только через оператора обмена.

Такова может быть правоспособность физических лиц при обороте виртуальных активов в границах проектируемой модели.

16.2. Юридические лица.

Юридические лица осуществляют сделки по обмену виртуальных активов исключительно посредством оператора обмена. Налогообложение указанных сделок осуществляется как это указано в разделе 14 настоящей Концепции, исходя из того, что они являются товарообменными операциями (бартерными сделками) при обмене криптовалюты на токены и товары, и обычными сделками купли-продажи при операциях за рубли. Контроль за правильностью осуществления налогообложения осуществляется налоговой службой в рамках общих полномочий.

Фактически, для юридических лиц не должно быть никаких ограничений на осуществление сделок с виртуальными активами, за исключением тех, которые устанавливаются оператором по обмену или регулятором в связи с оценкой степени риска вложения в соответствующие виртуальные активы, либо налагаются валютным законодательством.

Поскольку приобретаемые виртуальные активы отражаются на балансе юридического лица, постольку

проблем с анонимностью владения в данном случае не возникает, и, следовательно, не возникает проблем, связанных с имущественной ответственностью соответствующего субъекта права. Вместе с тем, уголовную ответственность за непередачу данных электронного кошелька следует предусмотреть и для должностных лиц юридических лиц, которые располагают соответствующими данными.

Такой комплекс правовых мероприятий позволит не просто легализовать оборот виртуальных активов, но и защитить граждан и юридических лиц при работе с ними.

17. В качестве заключения

Эксперты Росфинмониторинга в письме от 19.04.2019 г. подвергли критике определение понятия «цифровые права», закрепленное в ГК РФ, а также определение понятия «цифровые финансовые активы», приведенное в проекте Закона о ЦФА. В целом критика сводится к тому, что понятие «цифровые права», данное в ГК РФ, не учитывает функционального предназначения виртуальных активов, и привязывает их исключительно к технологии распределенных реестров. Кроме того, оно не учитывает принципиального отличия этого правового объекта от классических объектов права. Те же самые недостатки присущи и определению «цифровые финансовые активы», которое дано в проекте соответствующего закона, главный же из них – привязка к определенной технологии и невозможность, в связи с этим, охватить легальным оборотом цифровые активы, созданные на базе централизованных реестров.

Формально такую критику действительно можно признать

обоснованной. Вместе с тем следует указать, что оба определения - и ГК РФ, и Закона о ЦФА - создавались именно в ограниченных целях, под конкретную технологию и с конечным набором задач, а именно, запустить возможность осуществления ICO и работу краудфандинговых платформ. Поэтому, по существу, такую критику следует воспринимать не как необходимость отказа от имеющихся нормативных разработок, а в качестве направления для дальнейшей законодательной работы.

При этом, какое бы направление, разрешительное или запретительное, не было избрано для дальнейшей работы, необходимость в более широком определении виртуальных активов остается насущной необходимостью, в чем следует согласиться с экспертами Росфинмониторинга.

В качестве предложения к формулированию нового понятия виртуальных активов, которое следовало бы правовой идеологии, предложенной ФАТФ, возможно опираться на следующие тезисы.

Определение виртуальных активов должно включать в себя достаточно общие признаки, по аналогии с понятием представленным ФАТФ, но трансформированные посредством понятий отечественной правовой системы. При этом, понятия «цифровые права» и «операционные знаки», которые вводятся проектом Закона о ЦФА, должны входить в определение на правах частного вида виртуальных активов, либо предполагаться определением (подразумеваться). В этом случае не будет противоречий с уже сложившимся в законодательстве Российской Федерации регулированием и регулированием, которое находится в «созревшем

законодательном» состоянии, таком как законы о ЦФА и краудфандинге.

Соответственно определение должно: 1) охватывать все возможные цифровые технологии, посредством которых могут быть созданы виртуальные активы; 2) указывать на цифровую форму существования виртуальных активов (у ФАТФ – форму представления); 3) закреплять статус объекта гражданского оборота (у ФАТФ - наличие ценности); 4) предполагать объединение в одном определении объектов разного правового генезиса.

Вместе с тем, как представляется, не следует торопиться вносить изменения в ГК РФ, поскольку качество объектности виртуальных активов находится в состоянии становления и этот процесс может серьезно затянуться, в связи с чем их подлинная сущность и признаки, в которых она найдет свое выражение, могут проявиться не скоро. Поэтому на данном этапе необходимо ограничиться созданием технического законодательного определения.

Не следует торопиться вносить изменения в ГК РФ, связанные с виртуальными активами, поскольку качество их объектности находится в состоянии становления и этот процесс может серьезно затянуться

На практике это приведет к тому, что цифровые права, операционные знаки, созданные на основе нашего права, и виртуальные активы (включая токены), созданные вне отечественной юрисдикции, будут обращаться на основе разного, параллельного друг по отношению к другу, законодательства. Вместе с тем, с целью прояснения методологических основ

оборота этих объектов и прояснения для судебной системы единства их классификации, будет существовать общее понятие обращающихся на нашей территории и цифровых финансовых активов, и виртуальных активов (если, конечно, выработка общего определения будет поддержана профессиональным сообществом в качестве необходимого для нормативного регулирования).